

ЛОГОС

#1(85) 2012

Исследования культуры

ЛОГОС #1(85)2012

ФИЛОСОФСКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

издается с 1991 г., выходит 6 раз в год

Учредитель Фонд «Институт экономической политики
им. Е. Т. Гайдара»

Главный редактор *Валерий Анашвили*

Редакторы-составители номера *Илья Инишев* и *Виталий Куренной*

Редакционная коллегия: *Александр Бикбов, Илья Инишев,*
Дмитрий Кралечкин, Виталий Куренной (научный редактор),
Михаил Маяцкий, Яков Охонько (ответственный секретарь),
Александр Павлов, Николай Плотников, Артем Смирнов,
Руслан Хестанов, Игорь Чубаров

Научный совет: *С. Н. Зимовец* (Москва), *С. Э. Зуев* (Москва),
Л. Г. Ионин (Москва), *†В. В. Калиниченко* (Вятка), *М. Маккинси* (Детройт),
В. А. Мау (Москва), *Х. Мёкель* (Берлин), *В. И. Молчанов* (Москва),
А. Л. Погорельский (Москва), *Фр. Роди* (Бохум), *А. М. Руткевич* (Москва),
С. Г. Синельников-Мурылев (Москва), *К. Хельд* (Вупперталь)

Номер подготовлен при участии Центра современной
философии и социальных наук Философского факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

Address abroad: "Logos" Editorial Staff. Dr. *Nikolaj Plotnikov*
Institut für Philosophie Ruhr-Universität Bochum
D-44780 Bochum. Germany. nikolaj.plotnikov@rub.de

Выпускающий редактор *Елена Попова*

Художник *Валерий Коршунов*

Корректор *Юлия Николаева*

Верстка *Сергей Зиновьев*

Редактор сайта *Анна Григорьева*

E-mail редакции: logosjournal@gmx.com

Сайт: <http://www.logosjournal.ru>

Facebook: <https://www.facebook.com/logosjournal>

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-46739 от 23.09.2011

Подписной индекс 44761

в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 0869-5377

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора

В оформлении обложки использована работа *Влада Юрашко*
из серии «Очередь в будущее», 2011 (холст, масло)

© Издательство института Гайдара, 2012

<http://www.iep.ru/>

Отпечатано в типографии ООО «Балто Принт»

Utenos g. 41A, Vilnius LT-08217. Тираж 1000 экз. Заказ № 0000

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ГАСАН ГУСЕЙНОВ. Кондурация, или Как понимать дело Pussy Riot

КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / CULTURAL STUDIES

- 14 Виталий Куренной. Исследовательская и политическая программа культурных исследований
- 80 Ричард Джонсон. Что же такое культурные исследования?
- 136 Реймонд Уильямс. Базис и надстройка в марксистской теории культуры
- 157 Стюарт Холл. Культурные исследования: две парадигмы

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / VISUAL STUDIES

- 184 Илья Инишев. «Иконический поворот» в науках о культуре и обществе
- 212 Мике Баль. Визуальный эссенциализм и объект визуальных исследований
- 250 Джеймс Элкинс. Девять типов междисциплинарности для визуальных исследований

ДИДАКТИКА

- 260 Ян Левченко. Знание дисциплинарное и/или дисциплинирующее: к проблеме преподавания семиотики

КЕЙСЫ: ПУБЛИЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА

- 270 Ольга Рогинская. Классика и классики в российском театре 2000-х годов
- 289 Анна Ганжа. Mobilis in mobili: об особенностях формирования публичных пространств в городе Москве

- 311 Аннотации / Summaries

- 318 Авторы / Authors

От редакции

«Логос» — всё тот же философско-литературный журнал, который издается вот уже более двадцати лет в непростых российских условиях, но и немного другой. Ставший уже привычным дизайн было решено отправить на покой, сменить макет, рубрику, оформление — вплоть до обложки: в сгущающихся сумерках прежняя черная рисковала слиться с пейзажем.

Смена «лука» отражает и иные перемены: журнал вернулся в ВАКовский список, вышел в социальные сети, а следовательно, стал внимательнее к обратной связи, у него расширилась редколлегия и изменилась форма ее работы. Но осталось главное: установка на профессионализм, на критический анализ новых явлений и идей в практике и теории, на понимание философии не как архива умных мыслей, а как катализатора знания и провокатора творчества.

Кондурация, или как понимать ДЕЛО PUSSY RIOT

ГАСАН ГУСЕЙНОВ

Когда в 1967 г. «Вопросы литературы» напечатали нашу со Щегловым статью в дискуссии о кибернетике и литературоведении, Мельчук, услышав, что этому способствовал редактор отдела теории некто Ломинадзе, вскричал: «Морально-политический урод?!» — «Почему? Он симпатичный дядька». Оказывается, в «Кратком курсе» есть упоминание о «морально-политических уродах типа Шацкина и Ломинадзе» (причем последний — отец нашего редактора). Забавно, что знакомство с Ломинадзе, приведшее к публикации, началось тоже с соответствующей цитаты. Обратиться к нему посоветовал В. В. Иванов, сказав: «Есть у них один чудесный грузин...»

Жолковский А. К. Инвенции. Сборник статей разных лет. М.: Гендальф, 1995. С. 165. «Чудесный грузин» — высказывание Ленина в письме Горькому о Сталине, вошедшее во все биографии последнего.

ВЫДЕРЖКЕ из воспоминаний А. Жолковского мы имеем дело с ироничным, рефлексивным, интроспективным и, конечно, личным самоанализом. А теперь попробуем, после паузы, представить себе общество, которое живет по этим заветам без самоанализа, не рефлексивно, а рефлекторно. С одной стороны — «морально-политический урод», с другой стороны — «чудесный грузин» (понятно, что национальность в данном случае для нас значения не имеет). Просто с одной стороны — враг, с другой — свой. Хоть разговор у нас пойдет о текущем скандале, но начать приходится издалека.

Психические механизмы обращения к Сталину и сталинизму через язык можно объяснить по-разному. Например, в оптике так называемого нейролингвистического программирования нам указали бы на сложившийся в условиях террора перформативный слой, который предполагает за каждой сталинской паремией особую «картину мира»: говорящий высказывает генеральное согласие с устройством мира, даже несмотря на свое

субъективное отвращение к этому устройству¹. В качестве примера такого перформатива можно привести народную пословицу, которую носители языка, тем не менее, связывают с именем Сталина: «Лес рубят — щепки летят».

Для того чтобы избавить пациента, десятилетия назад ушибленного формулами «лес рубят — щепки летят», или, скажем, «сын за отца не отвечает», «кадры решают всё», «ликвидация, а не вытеснение», «мы живем по формуле Ленина: кто кого», «логика вещей сильнее логики человеческих намерений» и т. д., так вот, чтобы избавить пациента от этой травмы, нужно показать ему эти формулы как поправимый вывих его сознания, а не как проектное устройство вселенной. Человек, может быть, постепенно привыкнет к мысли, что это лично его покалечили, а мир — мир устроен иначе. Почему этот показ не доведен в России до сколько-нибудь разумного результата?

В годы перестройки многие публицисты, философы, писатели, деятели кино и пытались провести нечто вроде сеанса коллективной и даже массовой психотерапии, разоблачая сталинскую риторику, основанную на подобных сигналах, как насквозь лживую и манипулятивную (от Александра Солженицына и Анатолия Рыбакова в их хрестоматийных уже книгах 60-х — 70-х гг. до Михаила Вайскопфа² и Тенгиза Абуладзе). На последние годы СССР пришелся и пик интереса к НЛП. При этом маятник массового спроса колебался между «психотерапевтическими практиками» и «теорией заговора». Следы этого колебания мы можем увидеть в самых неожиданных концепциях — от выявления православных корней в советских социальных практиках Олега Хархордина³ до моей собственной гипотезы «полуязычия», сложившейся в конце 1970-х — начале 1980-х гг. и основанной, как я теперь понимаю, больше на идеях Харальда Вайнриха⁴ и теории речевых актов и интенциональности Джона Сёрла, чем на эмпирическом материале советского лингвистического эксперимента⁵.

Общим в разнообразных трактовках сталинской риторики было базовое (и по большей части, к сожалению, ошибочное) представление об ее искусственности, антиорганичности, враждебности «настоящему языку». В терминологии сталинистов его перформативы тоже, конечно, искусственны, но — в сугубо

1. Bandler R., Grinder J. The Structure of Magic I: A Book About Language and Therapy. Palo Alto, CA: Science and Behavior Books, 1974. P. 15.

2. См.: Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

3. См.: Kharkhordin O. The collective and the individual in Russia: a study of practices. Berkeley, CA: Univ. of California Press, 1999.

4. См.: Weinrich H. Linguistik der Lüge. Heidelberg, 1966.

5. См.: Гусейнов Г. Ложь как состояние сознания // Вопросы философии. 1989. № 11.

положительном смысле: они, дескать, по-новому организуют общество, позволяют выстроить из сырой массы продуманное архитектурно-инженерное сооружение.

Сталинский формульный язык оказался, однако, совершенно не задетым ни коллективными заклинаниями (или конъюративными стратегиями), ни попытками его разоблачить, осудить и выразить сочувствие жертвам (кондемпнаторные и кондолесцентные стратегии). В «сталинскую» риторику, как сейчас бы сказали, оказалась «защита защита» — ее глумливая, стебная природа, доступная так называемому простому грубоватому человеку. Эта ее природа (об ее этиологии многое сказано, в частности, в книгах Льва Троцкого, Михаила Вайскопфа, Олега Хархордина и др.) стала востребованной в условиях технологической революции последнего десятилетия. Основным смыслом этой революции для сталинизма как речевой практики состоит в создании питательной среды, в которой сталинские мемы закрепляются в невероятном разнообразии форм. Это закрепление, по аналогии с названными выше, точнее всего было бы называть кондурацией (от лат. *condurare* — делать прочным, твердым, а также закалять).

За годы, прошедшие со времени смерти Сталина, явление радостного подавления сознания, которое считается наиболее характерным признаком сталинской социальной практики, воплощенной в его языке, отбрасывает тень все дальше в прошлое. При этом, с одной стороны, в «сталинизме» политико-идеологическом можно обвинить мыслителей, центральным мотивом творчества которых была магия языка. Например, Хайдеггера, Платона или Горгия. С другой стороны, в сталинском «диалектическом материализме» можно усмотреть развитие греческой софистики. До тех пор пока эти процедуры остаются в области интеллектуальных упражнений, они вписываются в кондемпнаторную или кондолесцентную стратегии.

Но как только «знанием» о «сталинизме Горгия» или о «сталинизме Платона» начинает делиться сетевая поисковая машина, мы попадаем в область кондурации. Это явление наблюдается и тогда, когда неверно или нарочито ложно употребленное слово порождает в не задумывающихся, механически повторяющих его людях мотивацию к насильственному действию.

Конечно, Сталин далеко не единственный персонаж, оживленный, против ожиданий, в новую эпоху и как бы вновь переведенный из мертвых в вечно живые. И все же живучесть именно его формул поражает воображение. Важно понять коллективную прагматику, лежащую за речевыми формулами. Центральное место занимает здесь практика насильственного физического действия в ответ на действия символические. Здесь

есть две стороны. Одна — убежденность носителя формулы в наличии идеальной высшей инстанции, которая дает частному к ней лицу право на вынесение карающего суждения. А за что можно карать всегда? Ясное дело — за «предательство» и за «кошунство».

Тяжелый неправовой консенсус оправдывает поведение садистов в полицейском участке, но не прощает выступления зубастых молодых женщин из Pussy Riot против лицемерия и цинизма, к которому давно притерпелось мнимое взрослое общество. Этот консенсус объединяет уж очень многих. Слово «кошунство» произносят даже те, кто должен был бы понимать, что этот термин так же нелеп в устах человека светского, как слово «флогистон» в устах физика. Если и, правда, кошунство, отлучите девчонок от церкви, предайте анафеме. Поставьте на фейсконтроль обученную машину, которая впредь не будет пускать их на сакральную территорию, отчужденную в пользу высокого сообщества у тех, кто несколько десятилетий назад плескался в бассейне «Москва» на этом самом месте, месте другого несостоявшегося сакрального сооружения, где перед тем снесли другое сакральное сооружение...

Никаких физических последствий, даже общественного порицания, действие Pussy Riot иметь и не могло бы, если бы большинство людей понимало, каким попранием закона является содержание их под стражей после вывода из помещения церкви. Но большинство как раз этого не понимает. Большинству людей все-таки хочется хоть как-то наказать за кошунство, оштрафовать или поколотить провинившихся. Некоторые хотят выпороть побольнее. Или лишить родительских прав. Или отдать на поругание «мусульманам». На годы отправить в тюрьму. Твердо зная, что в этой тюрьме надзиратели насилюют людей бутылками из-под шаманского.

Иначе говоря, общество хочет ответить возможно более грубым физическим насилием тем, кто ненасильственно обнажил большое общественное лицемерие. Против вот этой страны «угрюмых нехристей» (Н. В. Тимофеев-Ресовский), изображающих из себя верующих христиан, и бунтуют Pussy Riot. Кстати, это как-то непатриотично — пользоваться английским словосочетанием. Надо перевести поточнее. Riot это понятно: беспорядки, волнения, бунт. Теперь Pussy. Ну, как бы да, киска-пиписка. Вот и перевод: «Бунтующая пиписка». Бунтующая и против садистов-тюремщиков из казанского «Дальнего», социально близких и кое-какой (мы не знаем точно, какой именно) части чиновничьего аппарата, и очень большой части российского общества. Кто же эти люди, адресаты акции БП? Во-первых, это те, для кого задержанный, заключенный становится человеком

только тогда, когда это он сам или его родственник, родной человек. А когда это другой, чужой, незнакомый, то что уж тут — тогда с ним, преступником, можно и нужно обращаться так, как эти, из «Дальнего».

Отсутствие эмпатии приводит к интеллектуальным потерям. Перестают различаться модальности. То, что, согласно сообщениям СМИ, регулярно делали со своими жертвами тюремщики из казанского «Дальнего» и, скорее всего, не только там, предлагают сделать с Бунтующими Пиписьками многочисленные комментаторы российской блогосферы. Даже не хочется приводить примеры. Это — те же люди, которые в Москве, в детской поликлинике, в очереди, сказали на днях многодетной матери и дочери священника: «Ой, да вас, многодетных, нужно прямо отстреливать, а то и сами не живете и другим жить не даете!» Даже если бы это было сказано в шутку, а не в сердцах, сам этот ход мысли является симптомом состояния сознания, которое очевидно выходит далеко за пределы приемлемой нормы.

До тех пор, пока судебно-карательная машина вырастает из такого состояния сознания большинства населения, бессмысленно требовать реформ этой машины от властей. Люди, которые верят в то, что «кадры решают всё», что «лес рубят — щепки летят», что (это уже горьковское!) «если враг не сдается, его уничтожают», ну и вообще, что символы и слова дороже чужой жизни, люди, которые верят в свое и своих властей право физически карать за символические действия, эти люди едва ли могут получить помощь даже от очень хорошего психоаналитика и терапевта. И спрятаться от этих людей невозможно, потому что их, вероятно, все-таки большинство. И они могут подстерегать вас в облике чадолюбивой бабушки из поликлиники.

Время само поставило эксперимент с россиянами: против Бунтующих Пиписек не высказался только ленивый, но что-то не слышно столь же громкого требования к властям проявлять милосердие к своим заключенным и арестованным. Как мы знаем, осуждаемым слишком часто неправомерно, как убитого в тюрьме Магнитского или вот только что свежесужденного Алексея Козлова.

У этого большинства есть, возможно, только две решающие слабости, которые и сулят поражение такой общественной системе: они продажны и они не доверяют друг другу. Вот почему для кондурации сталинского карательного опыта его наследники так налегают на православие и с такой жадностью апроприруют религиозные ценности, направо и налево раздавая украденный символический капитал, лишь бы никто не заметил подмены. Но рано или поздно подмена все равно обнаруживается. И как раз в моменты некоторого перегибания палки со сто-

роны гражданских протестантов. В то время как одни влиятельные представители церкви вполне готовы обсуждать случившееся в либеральном духе (как тот, кто придумал полезное слово «панк-молебен»), светский суд как раз начинает видеть свою задачу в том, чтобы найти для ничтожного в правовом отношении деликта — «кощунства» — как можно более жестокую кару. Некоторые толкуют это так: мужи церкви дают государственным мужам в лизинг аргумент «кощунства». Но это все надо доказывать.

Пока же нет согласованных правил для диалога церкви и общества, а есть символическая колкость, провоцирующая на жестокость не только карательные органы, но и мутное общественное бессознательное. Что делать с этой драмой жестокосердия, не знает никто. При этом нельзя сказать, что карательная машина не умеет быть милосердной. Очень даже умеет! 19 марта 2012 года пришло такое сообщение: «Бывшие сотрудники патрульно-постовой службы Вячеслав Егоров и Максим Сердюков признаны виновными в превышении полномочий с применением насилия и спецсредств, повлекшем за собой тяжкие последствия. Егоров получил четыре года условно, а Сердюков — пять лет условно». Это очень хорошая новость: оба уволенных смогут в ближайшие 4–5 лет научиться вести себя по-человечески. Но милосердие карательной системы все-таки избирательное, проявляемое только к самим карателям. Дело не в том, чтобы к обоим бывшим членам карательной корпорации применять такие же суровые меры, как к Бунтующим Пиписькам, а в том, чтобы Бунтующие Пиписьки были прощены и выпущены на волю. Но милосердное действие не может, судя по всему, опираться на инстинкт доброго пастыря. Надо сначала понять, как устроен механизм ненависти к Бунтующим Пиписькам. Иначе говоря, почему из-под маски добрых пастырей вырывается рык врага рода человеческого.

По своему видимому устройству ненависть, испытываемая оскорбленной общественностью к «кощунству» Бунтующих Пиписек, опирается на представление об их «враждебности», «чужеродности» и даже «засланности». Нам говорят, что возмутительницы спокойствия «на самом деле» являются авангардом бездуховного большинства, бесхребетного и потому управляемого каким-то зарубежным или внутренним врагом. При таком взгляде борьба с Бунтующими Пиписьками превращается в сознании их противников в героическое сопротивление духовного меньшинства бездуховному большинству. Чем более жестокой окажется кара, обрушенная на головы этих девушек и молодых мамаш, тем выше, дескать, будет общественное достоинство немногочисленных хребцов. Ведь они — «защитники духов-

ных ценностей» от легиона «проплаченных предателей» и иных врагов.

Механизм подмены — объявления себя стойким духовным меньшинством перед лицом разнузданного, но духовно ничтожного большинства — показан в следующем рассуждении:

Духовное возрождение церкви — неоспоримая действительность. Российские православные, прекрасно утверждают эту новую действительность. Церковь поставила перед собой грандиозную задачу, и ее концентрированная энергия успешно решает ее. Трудности решения — огромны, но, когда хочешь, — можешь! Двадцать лет назад церковь, безоружная, ограбленная, вышвырнула из храмов коммунистов, вышвырнула оккупантов.

За двадцать лет, работая над возрождением Православия с небольшим количеством честных, искренно преданных ей священнослужителей, прослоенных множеством гнусных предателей, которые отвратительно компрометируют и своих братьев и даже самое веру, работая в атмосфере ненависти либералов, в змеином шипении «механических граждан», которые злорадно подмечают все мелкие ошибки, недостатки, пороки, работая в условиях, о тяжести и ужасе которых Она сама еще не имеет ясного представления, — в этих адских условиях Она развила совершенно изумительное напряжение подлинно возрождающей и чудотворной энергии.

Для людей старшего поколения узнаваем не только стиль, но и прямой источник этого знаменитого пассажа. Да-да, это из основополагающей статьи Максима Горького, напечатанной под двумя разными заголовками в «Правде» и «Известиях» 15 ноября 1930 года. В «Правде» она называлась «Если враг не сдается, его уничтожают», в «Известиях» — «Если враг не сдается, его истребляют». Полноценным «сталинизмом» этот лозунг стал после того, как его в 1942 году процитировал в приказе № 55 И. Сталин, переведя стрелки с внутреннего врага на гитлеровскую Германию. Для перелицовки цитаты под сегодняшние нужды мне довольно было чуть-чуть изменить датировку (вместо 13 лет — 20), заменить слово «пролетариат» словом «Церковь», а слово «буржуазия» словом «либералы». Все остальное — от «духовности» до «чудотворной энергии» — осталось от горьковского оригинала:

Духовное возрождение пролетариата во всем мире — неоспоримая действительность. Рабочий класс Союза Советов, идя впереди пролетариев всех стран, прекрасно утверждает эту новую действительность. Он поставил перед собой грандиозную задачу, и его концентрированная энергия успешно разрешает ее. Трудности решения — огромны, но, когда хочешь, — можешь! Де-

сять лет назад рабочий класс, почти безоружный, разутый, раздетый, голодный, вышвырнул из своей страны богато вооружённые капиталистами Европы белые армии, вышвырнул войска интервентов.

За тринадцать лет, работая над строительством своего государства с небольшим количеством честных, искренно преданных ему специалистов, прослоенных множеством гнусных предателей, которые отвратительно компрометируют и своих товарищей и даже самую науку, работая в атмосфере ненависти мировой буржуазии, в змеином шипении «механических граждан», которые злорадно подмечают все мелкие ошибки, недостатки, пороки, работая в условиях, о тяжести и ужасе которых он сам еще не имеет ясного представления, — в этих адских условиях он развил совершенно изумительное напряжение подлинно революционной и чудотворной энергии.

Выверить и мобилизовать общество против меньшинства, объявив его представителей видимым острием невидимой темной силы, довольно просто. Тому же, как загнать эту энергию ненависти обратно в сумеречное подполье коллективного бессознательного, нигде не учат.

Преследование отслуживших «панк-молебен» Бунтующих Пиписек имеет и еще одно измерение — культурное. Во все хрестоматии по средневековой литературе включают миракль 13 века под названием «Жонглер Богоматери», по мотивам которого написано впоследствии несколько более знаменитых музыкальных и литературных произведений (например, новелла Анатоля Франса или камерная опера Маснэ). Смысл произведения: Богоматери любезен не только и даже не столько тот, кто умеет молиться по всем правилам и знает грамоту, сколько тот, кто может превратить в чистосердечную молитву свое мирское умение, пусть и такое несолидное, как шутовство. О чем можно взмолиться к Верховной силе? О еде и питье, об избавлении от чего-то, что никак не хочет уйти само. Ну так они это и сделали. Они обидели должностное лицо, но вовсе не оскорбили Ту, к Которой обращались.

Те, кто внимательно просмотрел и прослушал в записи «панк-молебен» в Елоховской и Храме Христа Спасителя, утверждают, что эта социально-художественная акция соответствует исключительности храмового пространства куда больше, чем любая проповедь насилия, особенно произнесенная священнослужителями. Выступление Бунтующих Пиписек выдержано вполне в стиле молодежных христианских тусовок последних двух-трех десятилетий. Вот как написал об этом в международной сетевой дискуссии SEELANGS (20.03.2012) профессор Виктор Дмитриев:

Благодаря вашим спорам, господа, нашел я видеоролик с этими несчастными девушками, против которых был очень даже настроен и не мог прийти в себя от глубокого потрясения. Как запели они своими чистыми прекрасными голосами «Богородица, Путина убери», так у меня мороз по коже пробежал. Их Сама Богородица в этот Храм послала (оболганный, поруганный, делящий черт знает с кем пространство свое небесное). Богородица, убери Иуду, который писал доносы на своих однокурсников, который опутал подслушками Ельцина, что тот шагу сделать не мог ни вправо ни влево, никого толком не мог пригласить, ни с кем не мог толком поговорить, ибо знал что крошка Цахес облепил его своими липкими нитями... И о чем, конечно, молчал... И что все эти рок-звезды, прыгающие по сцене или переминающиеся перед микрофонами, будто показывая, что хотят в туалет, да из-за песен не могут; что этот пресловутый Майк Джагер, с его плохим голосом, мертвой душой и никаким актерским дарованием?... Что эти наши американские рэповцы, поющие свои песни как бы протеста, одетые в шикарные полуспущенные штаны, шелковые рубашки и какие-то фасонистые кепки, что они все, эти шуты гороховые, рядом с этими девчонками, которых кто-то удачно сравнил с юродивыми... А если вам это сравнение не нравится, то представьте себе, что вот услышала толпа, как юродивый сказал Годунову: «Нельзя молиться за царя Ирода, Богородица не велит», и стала собирать подписи, чтобы патриарх как можно строже наказал не только самого юродивого, но и тех, кто просит царя простить бедолагу за такую дерзость... Вот и выяснилось, что Церковь с ее иконостасом, царскими вратами, амвоном — самое ТО место для рок-музыки; что рок — великое музыкальное открытие двадцатого века, что рок-н-рол и «Господи помилуй», «Богородица убери...» — близнецы-братья, идут рука об руку... Это пророчество о конце света, о реальном, всамделишном апокалипсисе, это плач к Богородице и отчаявшаяся ругань в адрес зла... Храм Мой, храмом молитвы наречется...! Жалко, что никого не знаю в мире рока, жалко, что уже никого не знаю в мире церкви, а то бы просил всех певцов, всех иерархов присылать деньги в поддержку семей этих девчонок, наших новых святых, вымученных Россией, а народ пусть молится за них, да покрепче... Когда это случилось? Какого марта? Не помню, но знаю одно: в этот день Храм Христа Спасителя был освящен не в шутку, а всерьез...

Как видно, здесь наметилось противостояние, религиозное содержание которого оценивается в зависимости от политической ориентации говорящего. Через несколько дней после того, как события в московских храмах стали первостепенной политической новостью, известный предприниматель Борис Березовский захотел создать «христианскую революционную партию». Правда, опыт борца должен был подсказать преуспевающему политическому авантюристу несколько более тернистый

путь. Ради чаемого одновременного ослабления светской и духовной власти в Московском царстве, оставленном им в недалеком прошлом как раз на попечение новоизбранного президента, британский подданный мог бы взойти на провозглашение Лондонской автокефалии русской православной церкви с одновременным избранием себя на пост, скажем, папы Лондонского и всея Друри-Лейн. Тут чем стебнее, тем революционнее. Возможно, такое решение даже отвлекло бы карательные органы Российской Федерации от преследования Бунтующих Пиписек, а остальные россияне чуть-чуть разбавили бы свою злобу чистым смехом.

Главное — избежать того, что иногда описывают устойчивым словосочетанием «бессильная злоба». Его охотно применяют политики и СМИ, когда, например, террорист взорвал бомбу и убил несколько десятков человек. Говорят, что он действовал «в бессильной злобе». Противоречие между желаемым и действительным достигает в этом высказывании предельного выражения: его значение, собственно, прямо противоположно интенции, или тому, что хотел, как ему кажется, сказать говорящий. «Бессильная злоба» настолько сильна, что вместе с источником уничтожает и самого испытывающего злобу. Так вот, человек, призывающий покарать кого-то за кощунство, да и вообще за любое состоявшееся символическое действие, и испытывает в момент гнева самую настоящую «бессильную злобу».

Применение максимально суровой кары позволит «бессильно злобствующему» в первый момент даже испытать исключительно сильное чувство исполненного долга. Еще бы, ведь он может считать, что это порошинка его ненависти была использована для залпа из государственного оружия. Хорошо описаны, однако, и последующие психические процедуры, приводящие к саморазрушительным событиям, из которых ни для кого не остается выхода.

Сейчас официальное российское правосудие захватило Бунтующих Пиписек в заложницы. Возможно, науськивающих на террор по отношению к ним и не намного больше, чем людей добрых и понятливых. Но кондурация происходит незаметно, а мозгами многих все еще правят старые формулы про беспощадность к врагам и к бешеным собакам.

Исследовательская и политическая программа культурных исследований

Виталий Куренной

РЕДАКЦИОННОЙ дискуссии относительно состава первого блока настоящего номера прозвучала нотка удивления — *cultural studies*? — Это должно быть что-то о телепередачах или об армреслинге, причем здесь скучные теоретические тексты?¹ Подобная реакция предсказуема. У культурных исследований² оказалась весьма скромная история русскоязычной рецепции в постсоветский период, точнее, она попросту не состоялась. В отличие от смежных программ французского структурализма и постструктурализма это направление фактически никак не представлено на русском языке³.

1. Предваряя подборку переводных текстов по культурным исследованиям в настоящем номере журнала «Логос» — Реймонда Уильямса, Стюарта Холла и резюмирующую (на пике влияния в конце 1980-х гг.) статью Ричарда Джонсона, — замечу, что здесь выбраны наиболее представительные (программные) тексты культурных исследований, репрезентирующие их теоретическую, исследовательскую и в какой-то мере политическую позицию в период консолидации направления.
2. Здесь и далее в номере так транслируется термин «*Cultural Studies*», который первоначально указывает на британскую программу исследований культуры. В русском языке оборот «культурные исследования» является двусмысленным и малоупотребительным по стилистическим соображениям (а что, есть «некультурные исследования»?). Однако именно в силу этого искусственного характера и является, пожалуй, наиболее подходящим для использования в качестве специфицированного термина для обозначения конкретного направления в общем поле исследований культуры. Кроме того он является устоявшимся в соответствующей научной литературе на русском языке.
3. Помимо обращения к отдельным представителям культурных исследований в обобщающих работах, дело ограничилось несколькими статьями А. Усмановой (Культурные исследования // Постмодернизм: энциклопедия / Под ред. А. А. Грицанова, М. А. Можейко. Минск: Интерпрессервис, Книжный дом, 2001. С. 394–400; От локального к глобальному: политика

В русскоязычном интернете доступен перевод на русский язык только одной статьи интеллектуального лидера программы культурных исследований — Стюарта Холла⁴. Несмотря на то, что в русскоязычном пространстве есть несколько научно-образовательных центров, где так или иначе преподаются культурные исследования⁵, это направление не стало предметом какой-либо заметной дискуссии или рефлексивной интерпретации. И совсем не имело никакой внятной адаптации в виде исследовательского направления или программы. Если тексты французских структуралистов и постструктуралистов прочно, массивованно вошли в образовательный и исследовательский обиход подготовки гуманитариев самых разных направлений в российских вузах, то программа культурных исследований так и осталась здесь темным пятном. В лучшем случае речь идет о растворении отдельных элементов этой программы в смутном и фрагментированном понятии «постмодернизма», которое на долгие годы воцарилось в качестве теории всего в постсоветском российском интеллектуальном пространстве. Комментарии к политической составляющей проекта культурных исследований также ограничились общими скучными замечаниями⁶.

«Культурных исследований» // Топос. 2000. № 3. С. 161–165), рассеянными фрагментами переводов (например: Контексты современности — Г. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000) и, возможно, отдельными статьями, которые сложно отследить в постсоветском журнальном многообразии. На русском языке есть также реферативный обзор сборника немецких переводов работ Э. П. Томпсона, выполненный С. Оболенской ([Реферат работы:] Э. П. Томпсон. Плебейская культура и моральная экономика. Статьи из английской социальной истории XVIII и XIX вв. // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: РГГУ, 1996. В 2009 г. Е. Черемушкиной была защищена диссертация «Истоки и становление проекта британских „Культурных исследований“, посвященная, главным образом, ранним работам основоположников культурных исследований — Р. Хоггарту, Р. Уильямсу и Э. П. Томпсону. В диссертации содержится подробная библиография русскоязычных работ, так или иначе посвященных проблематике культурных исследований.

4. См.: Холл С. Вопрос культурной идентичности // Художественный журнал. 2010. № 77–78.
5. В частности, магистерская программа «Визуальные и культурные исследования» по направлению «Социология» в Европейском гуманитарном институте (Вильнюс), на кафедре истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета. В рамках подготовки по направлению «Культурология», отдельные курсы читаются (в частности Г. И. Зверевой) бакалаврам и магистрам отделения культурологии Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики.
6. В частности, Вера Зверева в своем предисловии к сборнику о массовой культуре замечает, что «принадлежность к „левому“ политико-культурному движению — неотъемлемая черта ряда влиятельных направлений в ис-

Цель настоящей статьи заключается в раскрытии исследовательской и политической специфики программы культурных исследований (прежде всего, ее первоначальной британской версии), сочетающей как исторический взгляд на развитие этого движения, так и систематический анализ базовых особенностей этой программы. Структура статьи построена следующим образом:

- §1. Общая характеристика программы культурных исследований.
- §2. Анализ политического генезиса культурных исследований и их политической составляющей.
- §3. Анализ дисциплинарной и методологической специфики культурных исследований.
- §4. Содержательная характеристика основных этапов развития программы культурных исследований.
- §5. Краткое описание основных тематических направлений исследований и сравнительно развернутая экспликация развития одного из направлений (изучение молодежных субкультур).
- §6. Оценка динамики взаимоотношения политической и исследовательской составляющей проекта культурных исследований.
- §7. Причины сравнительно неудачной истории рецепции культурных исследований в постсоветском российском пространстве и возможные направления актуализации программы в современном российском контексте.

Существует обширная литература по культурным исследованиям: в целом и по отдельным персоналиям⁷, по национальной специфике⁸, большое число антологий и ридеров⁹, представляющих различные аспекты этой исследовательской программы, а также, распространившаяся в 2000-х гг., литература, стремящаяся адаптировать программу культурных исследований к новым культурным, социальным и, прежде всего, политическими реалиям современного мира, равно как и к набравшим

следованиях массовой культуры» (Зверева В. Предисловие // Массовая культура: Современные западные исследования. М.: Прагматика культуры, 2005. С. 14).

7. См.: Richard Hoggart and Cultural Studies/S. Owen (Ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008.

8. См.: Contemporary Spanish Cultural Studies/B. Jordan, R. Morgan-Tamosunas (Eds). London; NY: Arnold, 2000.

9. См.: Cultural Studies/L. Grossberg, C. Nelson, P. Treichler (Eds). London; NY: Routledge, 1992.

популярность новым концептуальным течениям¹⁰. В настоящей статье я в наибольшей степени опираюсь на монографии Оливера Марчарта¹¹ и Криса Баркера¹², которые — что в данном контексте немаловажно — представляют собой систематические попытки изложить общие особенности программы культурных исследований из инокультурного контекста (соответственно, немецкого и американского). Учитывая более исторически конкретную сфокусированность именно на британских культурных исследованиях, перспектива Марчарта представляется наиболее подходящей для рассмотрения ядра программы культурных исследований¹³.

1. ПОЛИТИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Культурные исследования избегают дисциплинарной и понятийной идентификации, равно как методологической и институциональной. Согласно Стюарту Холлу, перспектива дисциплинарной институционализации представляет собой «существенную опасность» для культурных исследований¹⁴. Культурные исследования позиционируются с помощью метафоры «междисциплинарного» или «постдисциплинарного» поля исследований, связанного с определенным ансамблем ключевых понятий и практических (политических) установок. Что, впрочем, не отменяет многочисленных попыток определения их специфики. Крис Баркер¹⁵ и Тони Беннет¹⁶ сходятся в следующем дисциплинарном определении культурных исследований:

- Культурные исследования — это междисциплинарное поле, в котором перспективы различных дисциплин мо-

10. См.: *New Cultural Studies*/G. Hall, C. Birchall Clare (Eds). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.

11. См.: *Marchart O. Cultural Studies*. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2008.

12. См.: *Barker C. Cultural Studies: Theory and Practice*. 3rd ed. London: Sage Publications, 2008.

13. Работа Баркера, кроме того, имеет обзорный и сциентизированный характер, будучи выпущена в рамках традиционных для издательства «Sage» компендиумов по социальным исследованиям, тогда как работу Марчарта, напротив, отличает проблемный характер, стремление сохранить верность культурным исследованиям как политическому проекту в современном контексте.

14. *Hall S. Cultural Studies and its Theoretical Legacies*// *Cultural Studies*/L. Grossberg, C. Nelson, P. Treichler (Eds). London; NY: Routledge, 1992. P. 285.

15. См.: *Barker C. Op. cit.* P. 6–7.

16. См.: *Bennett T. Culture: A Reformer's Science*. StLeonard, NSW: Allen & Unwin, 1998.

гут быть привлечены для анализа отношений культуры и власти.

- «Культурные исследования занимаются всеми теми практиками, институтами и системами классификации, посредством которых населению прививаются определенные ценности, верования, способности, рутинные жизненные практики и привычные формы поведения»¹⁷.
- Формы власти, которыми занимаются культурные исследования, различны и включают гендер, расу, класс, колониализм и т.д. Культурные исследования стремятся изучить связи между этими формами власти и развивать такие стратегии мышления в отношении культуры и власти, которые могут быть использованы людьми в их стремлении к изменениям.
- Первичная институциональная форма культурных исследований — это форма высшего образования. И в этом качестве культурные исследования подобны всем прочим академическим дисциплинам. Тем не менее они стремятся установить отношения за пределами академии с социальными и политическими движениями, с людьми, которые трудятся в институтах культуры и занимаются менеджментом культуры.

Культурные исследования отличает, прежде всего, особый набор пресуппозиций в отношении культуры как таковой, характерных в целом для марксистского понимания общества как пространства политического конфликта¹⁸. Культура для культурных исследований не является чем-то нейтральным и мирным. Она продуцирует и репродуцирует политические и социальные идентичности, которые могут в определенной ситуации конвертироваться в прямой политический конфликт. Как выразился по этому поводу Терри Иглтон (ученик Реймода Уильямса): «В Боснии или в Белфасте культура — это не только то, что вы вставляете в магнитофон, но еще и то, за что вы убьете»¹⁹. Культура является не только способом удержания структурированной властью стабильности, но и проводит границы возмож-

17. Ibid. P. 28.

18. Первый параграф «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса (1848) начинается с утверждения именно этого тезиса: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу <...>».

19. Иглтон Т. Идея культуры. М.: ИД Высшей школы экономики, 2012. С. 63.

ных конфликтов, так как культурная идентичность существует постольку, поскольку отделяет себя от других идентичностей.

Культура в перспективе культурных исследований выполняет функцию установления гегемонии и, тем самым, социальной и политической стабилизации общества. Сфера повседневной культуры и здравого смысла имеет свое макрополитическое измерение, остающееся по большей части нетематизированным и неосознанным. Культурные исследования, как замечает О. Марчарт, осуществляют операцию, в чем-то аналогичную психоаналитической, описанной Фрейдом в работе «Психопатология повседневной жизни», которая вскрывает глубинный симптоматический характер повседневной забывчивости, оговорок и т. д.²⁰ А именно, посредством исследовательской работы производится выявление скрытого политического характера деполитизированных — на первый взгляд — действий и явлений культуры. Речь, таким образом, идет об *экспликации политического, понятого как системы властных отношений и конфликта, в сфере деполитизированной повседневной культуры*.

Стюарт Холл сформулировал специфическую особенность программы исследований культуры следующим образом: «Что является специфическим, особенным в перспективе культурных исследований? Я полагаю, это вопрос политики культурной сферы или культуры политической сферы приближается или даже составляет центральное понятие культурных исследований»²¹.

Оливер Марчарт, предлагая свой вариант раскрытия теоретической и практической программы культурных исследований, говорит о парадигмальной для нее модели «магического треугольника». Она включает три циклически взаимосвязанных элемента: *культура — власть — идентичность*, причем ни один элемент не имеет самостоятельного и самодостаточного характера. Согласно Марчарту, культурные исследования можно определить как «интеллектуальную практику, занятую исследованием того как социальные и политические идентичности (ре-)производятся в сфере культуры посредством власти»²². К отличительным особенностям понимания этой трехчастной структуры относится то, что, во-первых, власть не имеет како-

20. Marchart O. Op. cit. S. 13.

21. Hall S. Cultural Studies und die Politik der Internationalisierung // Hall S. Culture Studies: Ein politisches Theorieprojekt. Ausgewählte Schriften 3. Hamburg: Argument. S. 141. Первая публикация: 1996 г. (Здесь и далее я использую наиболее компактное на сегодняшний день издание статей, интервью и докладов Стюарта Холла, выпущенное в 4-х томах гамбургским издательством «Argument».)

22. Marchart O. Op. cit. S. 35.